

УДК 821.161.1(091)“19”

ВОСПОМИНАНИЯ О «СВЕТЛОМ РАЕ» В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРИКЕ САШИ ЧЕРНОГО

Н. А. Тиботкина

Тверской государственной университет, Тверь
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье говорится о литературе русского зарубежья, раскрываются особенности мироощущения писателей, оказавшихся за пределами Родины. На материале конкретных стихотворений Саши Черного прослеживается реализация мотива памяти в контексте всего эмигрантского творчества, выделяются его главные смыслообразующие доминанты, выстраивается парадигма мотива в целом.

Ключевые слова: *эмиграция, литература русского зарубежья, Саша Черный, мотив, память, воспоминание, родина.*

Совершенно особое место на литературной карте России и мира занимает литература русского зарубежья, которая пока еще не изучена современной филологической наукой. Многие исследователи называют ее уникальным, ни на что не похожим «явлением в культурном процессе» [2, с. 7].

По мысли О. Н. Михайлова, «феномен литературы русского зарубежья уникален и, кажется, не находит аналогов в мировой истории» [5, с. 8].

Литература эмиграции, оторванная от метрополии, возникла и развивалась на «других берегах». Литературоведы часто обращают внимание на появление самого понятия «русское зарубежье», которое наиболее рельефно отражает и выражает «существование за границей как бы второй (“малой”) России – особого самодостаточного мира со своим образом жизни и устоями, взаимоотношениями и привязанностями, существование внутри которого как бы воспроизводило бытие на утраченной родине» [7, с. 5].

Находясь за рубежом, русские эмигранты возложили на себя особую миссию, к исполнению которой подходили с большой долей ответственности и полной самоотдачи. «...Главным и определяющим для российских интеллигентов, считавших себя носителями и хранителями национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной исторической миссии. Задачи служения “русской идее” ставились ими достаточно широко. Во-первых, они считали своей первостепенной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прервалась связь времен и поколений, чтобы сохранялась основа для будущего возрождения России. Во-вторых, они считали своим долгом познакомить Запад с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания» [7, с. 5–6]. Все эти задачи писатели-эмигранты пытались поставить и решить в

своих произведениях, печатавшихся и распространявшихся по большей части за рубежом.

Огромное количество известных русских писателей, среди которых стоит отметить И. Бунина, А. Куприна, Е. Замятина, И. Шмелева, В. Набокова и других, было вынуждено покинуть Родину и выехать за рубеж. В эмиграции оказалось большинство создателей и сотрудников знаменитого петербургского еженедельного журнала «Новый Сатирикон», закрытого в 1918 году по распоряжению советского правительства. В числе эмигрировавших в 20-е годы XX века был и Саша Черный, впоследствии так и не вернувшийся на Родину, но всегда вспоминавший о ней.

Первые годы эмигранты верили в падение советской власти и скорейшее возвращение в Россию, но время доказало обратное: большевистский режим все более укреплял свои позиции, и утопические надежды беженцев рассеялись, как дым.

Литература русского зарубежья отличалась особым мироощущением и восприятием жизни. Взгляд писателя-эмигранта на происходящее вокруг вмещал в себя уникальный комплекс противоречивых чувств, настроений, мыслей и идей. В израненных человеческих душах происходил пересмотр духовных приоритетов и переоценка нравственных ценностей. Многие исследователи отмечают, что большинство писателей-сатириков после отъезда за рубеж, простившись со старой жизнью и утраченными идеалами, «так и не вернулись в юмористический цех» [8, с. 11].

Очень точно состояние сатириков, эмигрировавших за пределы России в 20-е годы, описал С. Горный: «Раньше был пересмешником и пародистом... Потом прошло. Задумался. И сквозь смех явилась (сперва не сразу, такими тихими вечеровыми струями, как воздух потеплевший) тихость, пристальная дума... Налетело. Пришли. Ударили штыком. Глубоко заглядывая в глаза, наклонилась смерть. И вся та прежняя жизнь ушла. Навеки» [4, с. 98].

Подобные чувства испытывал и Саша Черный, волей случая оказавшийся за рубежом и побывавший в разных городах – центрах русской эмиграции: в Берлине, Париже, Риме и др. Странствуя по миру, поэт не утрачивает чувства юмора по отношению к жизни, но изменяется его творческая позиция: сатира уступает лирике. Все исследователи его творчества отмечают кардинальные перемены в его мировоззрении.

Об эмигрантском периоде творчества поэта А. С. Иванов писал: «Вообще поразительна эта метаморфоза-превращение желчного и ядовитого сатирика в художника иного склада – «самого грустного из тех, кто шутит по профессии, самого незлобного из тех, кто бичует» (определение М. А. Осоргина)» [3, с. 13].

Книга стихов «Жажда» стала третьим прижизненным изданием автора, отразившим наиболее характерные особенности художественной манеры Саши Черного и вместившим в себя всю сложность чувств и переживаний поэта в эмигрантский период творчества.

Одним из ведущих мотивов поздней лирики сатириконца, присущим почти всей литературе эмиграции, становится мотив памяти (воспоминания). Это память о старой, ушедшей России, о потерянной гармонии, об утраченных

духовно-нравственных идеалах, которая особенно остро ощущается на чужой земле в чуждой обстановке.

В стихотворении «Прокуроров было слишком много!», открывающем раздел «Русская Помпея», лирический герой, обращаясь, как можно предположить, к России, восклицает:

О Тебе, волнуясь, вспоминаем, –

Это все, что здесь мы сберегли...

И встает бывшее светлым раем,

Словно детство в солнечной пыли... [10, с. 458].

Сразу привлекает внимание личное местоимение-обращение «Тебе», которое выделено в тексте заглавной буквой. Это, в первую очередь, свидетельствует о большом почитании и уважении, которые лирический герой испытывает к объекту обращения. Во-вторых, стоит отметить деэпричастие «волнуясь», характеризующее опять же отношение героя к Родине. Он не просто вспоминает Россию, в которой прожил тридцать лет своей жизни. Ему глубоко не безразлична ее судьба, и без внутреннего трепета и волнения он не может думать о ней. Трагичной кажется строка: «это все, что здесь мы сберегли». Кроме воспоминаний о старой, исчезнувшей России, у эмигрантов не осталось никаких связей с потерянной Родиной. И то «бывшее», что сохранилось в памяти, кажется «светлым раем» в чужой незнакомой стране, где нет будущего и не осталось надежд, впереди – «темна дорога». А сравнение «словно детство в солнечной пыли» возвращает к ранним идеалам самого автора: «дети, звери и народ».

В воспоминаниях лирического героя Саши Черного часто возникает образ Петербурга. Но это совсем не тот страшный, лживый, безнравственный, отталкивающий город, который встречался в ранней лирике поэта. Совершенно по-иному предстает он в стихотворениях периода эмиграции. Как иронично говорила А. А. Ахматова, «вы заметили, что с ними со всеми происходит в эмиграции? Пока Саша Черный жил в Петербурге, хуже города и на свете не было. Пошлость, мещанство, смрад. Он уехал. И оказалось, что Петербург – это рай. Нет ни Парижа, ни Средиземного моря – один Петербург прекрасен» [9, с. 30]. Действительно, Петербург для многих эмигрантов, и для Саши Черного в том числе, стал «символом потерянного рая», изгнание из которого полностью изменило их жизнь, привычную картину мира и всю российскую историю, повернув ее развитие в другое русло.

В разделе стихотворений «Русская Помпея» очень многие произведения посвящены описанию воспоминаний о Петербурге («Игрушки», «Невский», «Весна на Крестовском», «На островах» и другие), причем интересно отметить, что все стихотворения представлены как реальные картины, живые зарисовки, возникающие в момент описания перед глазами лирического героя. В подтверждение можно привести высказывание исследователя А. С. Иванова о разделе «Русская Помпея»: «Поначалу, когда боль была еще свежа и краски не выцвели, Саша Черный создал целую вереницу стихотворений, объединенных под знаменательным заголовком «Русская Помпея». Поэт пытался в них воссоздать потерянный и, увы, невозвратимый рай, каким теперь ему виделась прежняя жизнь» [3, с. 12].

В стихотворении «Весна на Крестовском», посвященном А. И. Куприну, воспроизводятся пейзажи берегов Невы, которые можно наблюдать с борта лодки: Крестовский остров, Елагинский остров, Стрелка Васильевского острова. Лирический герой, выбирая формы инфинитива глаголов («Так радостно *бросить* бумагу и книжки, // *Взять* весла и хлеба в кульке, // *Коснуться* холодной и ржавой задвижки // И плавно *спуститься* к реке...») (здесь и далее выделено мной – Н. Т.) [10, с. 464], формы второго лица единственного числа («*Качнешься* – и вновь тишина...») [10, с. 464], как будто погружает читателя в описываемую картину, давая возможность каждому прочувствовать то же, что испытывает он сам. После гармоничной пейзажной зарисовки «тишины» невских берегов следуют строки, что немаловажно, отделенные графическим пробелом – как итог идиллических воспоминаний лирического героя:

О родине каждый из нас вспоминая,
В тоскующем сердце унес
Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая,
Кто заросли ялтинских роз... [10, с. 464].

Но, как оказывается, он не одинок в своих воспоминаниях. Использованное местоимение «каждый» позволяет достичь максимальной степени обобщения: каждый из людей, когда-то навеки покинувших Россию, а их были тысячи. Нельзя не обратить внимания на «географию» эмигрирующих: от южной точки – Ялты до северного Валдая через всю Центральную Россию, сосредоточенную на берегах великой русской реки Волги. Каждый сохранил в «тоскующем сердце» кусочек России – то, что является символом его Родины: будь то река, склоны или заросли кустарника.

Весьма показательна последняя строфа стихотворения:

Под пеплом печали храню я ревниво
Последний счастливый мой день:
Крестовку, широкое лоно разлива
И Стрелки зеленую сень [10, с. 464].

Лирический герой подчеркивает, что, несмотря на «пепел» чувств и переживаний, сохранившихся в сердце после отъезда с Родины, память о ней будет вечно храниться в его душе. И последний день пребывания в России был «последним счастливым днем» в жизни лирического героя, так как за пределами родного края счастья нет.

В стихотворении «Мираж» лирический герой, играя с эмигрантскими девчонками Тосей и Инной в мореплавателей на «кривом и глубоком баркасе», совершает вымышленное путешествие, но не по чудесным, «неизведанным» землям, а ... в Петроград, где «сияющей шапкой Исаакий // миражем вставал над водой» [10, с. 448]. Петербург, становясь частью и своего рода олицетворением России, никак не может исчезнуть из памяти лирического героя.

В книге стихов «Жажда» есть целый раздел, носящий название «Русские миражи», в котором ясные, четкие картины родной России постепенно сменяются в сознании лирического героя снами, видениями, миражами, которые все равно не покидают его на чужбине. Даже вид

«бессарабской кукурузы» наводит на детские воспоминания о «райском блюде», которое невозможно попробовать в чужой стране:

Сердце к пище равнодушно, –
Но хранят страницы детства
Вместе с милой кучей вздора
Ощущение одно:
Запах нежной кукурузы,
Лоск растопленного масла,
И облизанные пальцы,
И разбухшее зерно... [10, с. 544].

Указание на «страницы детства» опять же отсылает к некоему абстрактному временному промежутку, не только обозначающему конкретные даты, детские годы лирического героя, но и время проживания в России, с чем связаны эти светлые и «нежные воспоминания».

Возвращаясь к образу Петербурга, «ставшему для российских изгнанников символом прошлого» [8, с. 18], следует отметить, что многие писатели-эмигранты обращались к нему в своем творчестве. И это не случайно! «...Вся эмигрантская поэзия о Петербурге есть попытка нащупать, собрать воедино и дать зримо почувствовать реальный образ исчезнувшего города...» [9, с. 5].

У Сергея Горного за рубежом вышла книга «Санкт-Петербург» (Мюнхен, 1925), в которой он описывал свои детские воспоминания о дореволюционном Петербурге.

Этому городу посвящает свой сборник стихов известный поэт-сатириконец Николай Агнивцев («Санкт-Петербург», Берлин, 1923). В нем нашли отражение грусть и печаль, тоска поэта по родной России: «Город существует для него лишь в нетленной гранитной красоте, с призрачной тайной белых ночей, в органическом единстве истории и современности» [8, с. 19].

Петербург Саши Черного, Николая Агнивцева и большинства поэтов-эмигрантов – это колыбель культуры, где огромную роль играют древние традиции, моральные устои и принципы и духовные ценности, заложенные нашими предками: «...Петербург, этот наиболее литературный polis в русской истории, стал для писателей-беженцев не только памятью о его былой красоте и мощи, не только поиском славного, но утраченного прошлого, не только горестной ламентацией об изломанных человеческих и творческих судьбах – все эти элементы в том или ином виде в эмигрантской интерпретации петербургской темы, безусловно, присутствуют, но являются лишь ее составными слагаемыми. Свойством интегративности же обладает сознание того, что через пушкинский Петербург или Петербург Достоевского... в бесконечно разнообразных видах и формах, происходит приобщение писателя к материнскому лону отечественной культуры» [9, с. 19], что можно наблюдать в творчестве, пожалуй, большинства писателей-эмигрантов в 20-е годы XX столетия:

Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин

У парашута над Невой!.. (Н. Агнивцев) [6, с. 65].

Столица – мысль, где стержень – Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа Достоевский (К. Бальмонт) [6, с. 70].

Над столом в цветной, парчовой раме
Старший брат мой, ясный и большой,
Пушкин со скрещенными руками –
Светлый щит над темною душой... (С. Черный) [10, с. 488].

Два имени – Пушкин и Достоевский – особо привязаны к локусу Петербурга, и не только как физически осязаемого пространства, в котором они жили, но и метафизического пространства, которое вмещает в себя всю глубину, меткость, яркость и народность языка Пушкина и духовную красоту, идеалистичность, жертвенность и ранимость философии Достоевского.

В заключение интересно проследить, как выстраивается парадигма мотива памяти в позднем творчестве Саши Черного. С одной стороны, это: память – помнить – вспомнить – воспоминания. А с другой стороны, (не) забыть – (по) забыть. В сознании лирического героя возникает парадокс: помнить, но забыть. На наш взгляд, это легко объясняется. С точки зрения лирического героя, а, следовательно, и самого автора (лирический герой – это и герой, и автор «нераздельно и неслиянно» [1, с. 54]), следует *забыть* все, что произошло в России в 1910 – 1920-е годы – события, которые стали роковыми в истории российского государства, но всегда *помнить* и хранить в *памяти* образ Родины, милый и дорогой сердцу, связывающий каждого русского человека с его национальной основой, его историческими корнями, о чем *забыть* невозможно.

Список литературы:

1. Бройтман, С. Н. Лирический субъект [Текст] / С. Н. Бройтман // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины ; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 1997. – С. 52–56.
2. Булакова, Т. П. Литература русского зарубежья [Текст] : курс лекций / Т. П. Булакова. – М. : Высшая школа, 2005. – 365 с.
3. Иванов, А. С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции [Текст] / А. С. Иванов // Черный Саша. Собрание сочинений : в. 5 т. – М. : Эллис Лак, 1996. – Т. 2. Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932. – С. 5–22.
4. Горный, С. Автобиография [Текст] / С. Горный // Калифорнийский альманах. – Сан-Франциско, 1934. – С. 98–99.
5. Михайлов, О. Н. Литература русского зарубежья [Текст] / О. Н. Михайлов. – М. : Просвещение, 1995. – 490 с.
6. Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) [Текст]. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2006. – 848 с.
7. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : Энциклопедический биографический словарь [Текст] ; под общ. ред. В. В. Шелохаева. – М. : РОССПЭН, 1997. – 748 с.

8. Спиридонова, Л. А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья [Текст] / Л. А. Спиридонова. – М. : Наследие, 1999. – 336 с.
9. Тименчик, Р., Хазан, В. «На земле была одна столица» [Текст] / Р. Тименчик, В. Хазан // Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2006. – С. 5–57.
10. Черный, Саша. Улыбки и гримасы. Избранное [Текст] : в 2 т. / Саша Черный – М. : Локид, 2000. – Т. 1. Стихотворения. – 672 с.

MEMORIES OF «LIGHT PARADISE» IN EMIGRANT LYRICS BY SASHA CHERNY

N. A. Tibotkina

Tver State University

Department of journalism and contemporary russian literature

The text of the article refers to the Russian emigrant literature, describes the peculiarities attitude writers living outside the motherland. On the material of specific poems by Sasha Cherny the motive of memory traces in the context of all creativity, defines main meanings, the motive paradigm is built as a whole.

Key words: *emigration, Russian emigrant literature, Sasha Cherny, motive, memory, memories, motherland.*

Об авторах:

ТИБОТКИНА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: ntibotkina@gmail.com